

Алексей Ребезов

12+

Дедушкины рассказы

Алексей Ребезов

Дедушкины рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40254172

SelfPub; 2019

Аннотация

Эту книгу я посвящаю моему деду. В ней идёт речь о событиях с 1910 по 1950 годы прошлого века. Основная часть рассказов, конечно же, охватывает период Великой Отечественной Войны. События, которые с ним происходили, иначе как невероятными назвать нельзя.

Содержание

Предисловие	5
Кот и сом	7
Раскулачивание и голодомор	13
Начало польской войны	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Дедушкины рассказы

Предисловие

Данную серию рассказов я посвящаю моему деду, его, к сожалению уже нет с нами почти четверть века, а прожил он 84 года. В ней я собрал почти все рассказы, которые я когда-либо слышал от него самого или моих родственников. Рассказы охватывают период с 1915 года по 1950. Дедушка, по правде сказать, не был сильно разговорчив и рассказывал крайне мало и неохотно о тех временах. Возможно, для этого у него были причины. У моего дедушки была непростая судьба, как и у многих в те времена, тех испытаний, невзгод и трудностей, хватило с лихвой на всех. В этих коротких рассказах идёт речь о детстве, юности дедушки, на его родине в рязанском селе Пехлец и, конечно же, о Великой Отечественной войне. Особым мотивом для написания этих рассказов явилось то обстоятельство, что мой дед, несмотря ни на что, остался жив в этой кровопролитной войне и прошёл самые тяжёлые, с 1941 по 1944 годы. Да и до войны жизнь у него получилась очень насыщенная, ему здорово досталось, спасибо советской власти. Когда я кому-то, где-либо рассказывал, какую ни будь из многочисленных историй моего дедушки, то всем, кто меня слушал, было очень интересно, а некоторые истории, казались даже невероятными, но могу вас заверить, всё что написано, это происходило на самом

деле. Человеческий разум так уж устроен, и то, что выпадает за рамки объяснимого, кажется нереальным, но тут как раз видимо за дело берётся высшая сила, хотя можно это назвать случайностью. Надеюсь, вам понравятся собранные здесь рассказы, вы прочитаете их с удовольствием, и станете по другому относиться к судьбе, случайностям, а может и божьему провидению.

Кот и сом

В детстве и юные годы мой дед жил в селе Пехлец, что на Рязанской земле, где и родился. Проживал он там, в большом каменном доме, со своими многочисленными братьями и сёстрами, которых было всего четырнадцать человек, семья у них, даже по тем временам, была очень большая. Дом, построенный в конце девятнадцатого века, стоял в окружении прекрасного яблоневого сада. Они имели очень большой земельный надел и занимались выращиванием табака, как впрочем, и многие другие семьи, «пехлецкий» табачок был очень известен на российском тогдашнем рынке. Село тогда было солидное и многонаселённое, сейчас оно тоже есть, находилось на проезжей дороге, в низине протекала река Ранова, и разной рыбы в ней водилось много премного.

Дворовое хозяйство было очень большое, они имели много всякой живности, у них были кони, две коровы, козы, куры, гуси, индюшки, свиньи, а также у них жил кот Василий. Как то ночью их разбудил грохот и шум, когда дед, которому тогда было 10 лет, проснулся, то увидел что по комнате бегают перепуганный кот с ошейником из керамического горлышка кувшина, а на полу была огромная лужа с молоком. Оказывается, пройдоха кот, запрыгнул на подоконник, где стоял кувшин с молоком и попробовал добраться до желеа-

мого напитка. У него это получилось, однако, просунув голову в узкое горло кувшина, он не смог вытащить её обратно, тщетно и долго пытаясь освободиться, он соскользнул или спрыгнул с подоконника на пол. Кувшин конечно вдребезги, а молоко в стороны по всему полу, это и разбудило всех. Событие конечно всех развеселило. Кота примерно наказали, запретив ему на целую неделю ночевать в комнате, а кувшин стали теперь накрывать плотной крышкой.

Через некоторое время произошло ещё одно интересное событие. Каждое утро, местный пастух обходил дома и собирал коров на пастбище, а вечером приводил обратно, так повелось с незапамятных времён. В дедушкиной семье было несколько коров, и к ним пастух тоже заходил. Мать дедушки, прабабушка Дуня, очень удивилась, когда вечером пастух пригнал коров с пастбища и у одной которую звали «Маруська» не оказалось совсем молока. Что было странно, потому, как это была очень дойная корова, и такое происходило в первый раз. Утром она спросила пастуха Петра:

– Это что же такое произошло вчера, одна из моих коров вернулась совсем без молока, ты, что её выдоил что ли?

– Да ты что, как можно, Дарья? Зачем мне твою корову доить, понятия не имею, почему так, может она не ела, а может и вовсе заболела.

– Сам ты заболел, корова здорова, следи лучше, что бы все коровы хорошо питались.

Поговорили и разошлись, а вечером Пётр снова пригнал

коров и снова «Маруська» оказалась без молока.

– Ах ты, негодяй, опять корову выдоил мою, ты, что это удумал, у меня четырнадцать детей, их кормить надо, – закричала на него баба Дуня, как только попробовала подоить корову, прямо во дворе.

– Богом клянусь Дуня, не доил я твою корову, она паслась вместе со всеми, я не знаю, почему у неё молока нет, – Пётр видимо сам напугался, потому, как в первый раз такое с ним происходило.

– Если не ты то кто? Кто мог подоить корову, пока она паслась, где ты находился в это время а, спал, небось? – не унималась баба Дуня.

– Я рядом всё время находился, никто к стаду не подходил Дарья, я клянусь, никуда не отходил весь день и тем более не спал.

Вокруг стали собираться соседи и молча слушали перепалку прабабушки с пастухом Петром.

– Если ещё раз «Маруська» придёт без молока, я подниму вопрос, чтобы тебе не заплатили в этом месяце, понятно, Пётр? – ругалась прабабушка.

– И правильно, за такую работу нечего платить, поддакнули соседи, из-за плетёного забора.

– Дарья, я тебе обещаю, что прослежу лично за твоей коровой, со второй же всё нормально, она с молоком, – оправдывался Пётр.

– Ещё бы не хватало, что бы обе коровы вернулись пу-

стые, – сокрушалась прабабка.

На следующий день пастух снова пригнал коров и опять «Маруська» возвратилась без молока, а прабабушка Дуня уже поджидала пастуха, стоя в воротах дома. Пётр не стал дожидаться, и едва подойдя к ней, сам первый начал.

– Дарья, твоя корова снова без молока, но подожди не кипятись, я выяснил по какой причине. Выслушай меня, ты поймёшь, что я тут не причём.

– Ах ты, боже мой, рассказывай, в чём дело, – всплеснула руками Дарья.

– Твоя корова, каждый вечер, после того как попасётся целый день на лугу, заходит в речку, что бы попить водички и заодно освежиться.

– И что от этого у неё молоко пропадает? – начинала кипятиться прабабушка.

– Нет, не от этого, ты слушай дальше. Как только она заходит в речку, по туловище, вода сразу начинает бурунами ходить, к ней подплывает рыбина огромная, сом должно быть, и видимо этот сом и высасывает всё молоко, – закончил пастух.

– Это где же видано, что бы сомы коров доили? – возмутилась прабабушка, всплеснув руками и ужаснувшись одновременно.

– Может такое быть, – сказал дед Дмитрий, её муж и мой прадед, вышедший в этот момент из дома, после чего продолжил.

– Ты вот что Пётр, завтра всё делай как обычно, если это так и есть, то я возьму пару мужичков и сеть захвачу, ты место нам только укажи, а уж остальное мы сами сделаем, договорились?

– Хорошо Митя, конечно, – ответил Пётр.

Вечером следующего дня, перед их домом была такая картина, которую наблюдали все соседи вокруг. Впереди шли две коровы, «Маруська» и «Ивушка», за ними шёл улыбающийся пастух Пётр, потом три мужичка, один из которых Дмитрий, муж Дарьи и мой прадед. Все трое, тащили на плечах здоровенного сома, метра четыре длиной. Шествие замыкал парнишка, который тащил сеть, а за ним шли любопытные и стая собак. Мой дед стоял на крыльце и наблюдал всё это, а потом когда зашли в дом, его отец рассказал, как всё было.

– Как только «Маруська» зашла в воду, сом сразу же подплыл к ней, видимо ждал в засаде. Конечно, молочко то ему нравится. Мы тогда с парнями осторожно зашли в воду с сетью, со стороны реки и окружили это место, после чего стали медленно сужать кольцо. «Маруська» выскочила на берег, а вот сом, как только почувствовал наше присутствие, сразу же метнулся в нашу сторону. Я думал, он прорвёт сеть, настолько сильно бился, пару раз сбивал нас с ног, но мы всё же, в конце концов, его вытянули на берег, ну и махина оказался.

После этого они несколько дней ели одну рыбу, всей се-

мьёй, очень вкусную, видимо мясо на молоке вскормленное, и мой дед это запомнил на всю жизнь и мне рассказал в восьмидесятые годы прошлого столетия.

Раскулачивание и голодомор

Шёл 1931, особенно последние годы были очень тяжёлые. Вообще, при описании жизни бабушки возникает впечатление, что тогда в принципе не было простых лет, все года были негативные, один хуже другого, вот таким образом и жил весь российский народ. Дед в то время заканчивал, артиллерийское училище и учился на последнем курсе, скоро должен был быть выпускной и звание младшего лейтенанта. В это училище он попал не случайно. Поскольку семья была большая, то детей, особенно мальчиков, старались отдать в такие училища, что бы сплавить дополнительный рот. А заодно и ребёнок был бы надёжно пристроен. Советское правительство тогда всерьёз занялось крестьянами, особенно «зажиточными», в том смысле, которые хоть что то имели. В ход шли и репрессии и пряники, репрессии для несговорчивых, а пряники для вступающих в колхозы. Половину крестьян посадили, другая же половина уехала в города, начинался страшный, невиданный для страны голод. По деревням ездили бригады ОГПУ, вместе с красноармейцами, и забирали «излишки» всё до последнего зёрнышка в основном у крестьян. Не было исключения и в селе Пехлец, где проживала родня деда, мать, отец, сестры и младшие братья. Старший бабушкин брат в то время был уже старшим лей-

тенантом авиации и служил в московском дивизионе. И вот в один из таких дней, осенью, дед, которому было в то время 22 года, приехал в гости к родным. Накрыли скудный стол, по обычаю долго разговаривали во время обеда и все темы невесёлые, про трудности которые приходится переживать по коллективизации и продразвёрстке. В разговоре участвовали отец деда, мать, которая была беременна, и отцов брат Иван, ну и мой дед конечно, младшие же в основном слушали.

– Они хотят, что бы я всю свою землю колхозу передал, а потом ещё и для колхоза работал, на своей же земле, это как понимать? – говорил отец Дмитрий, наливая себе чай из самовара.

– Хотят, что бы всё было колхозное, т.е. государственное, считай ничьё, – отвечал брат Иван.

– Если не отдам, налогами сначала задавят, а потом грозятся и вообще посадить, непонятно как жить дальше, все что есть в доме, все припасы, забирают, скоро чай будем вприглядку с сахаром пить, – говорил Дмитрий.

– Как же семью кормить, если всё заберут до зёрнышка? – сокрушалась его жена.

– А им только это и надо, чем больше людей вымрет, то им и на руку, хотят всех извести, – ответил муж Дмитрий.

– Как у вас в училище, кормят то хоть нормально? – спросил дядя Иван моего деда.

– Да, кормят хорошо, слава богу, не голодаем, – ответил

мой дед.

– Да, я слышал, что у военных и у «ОГПУшников» харчи нормальные, не то, что у простого народа, на который всем видно наплевать, – продолжал брат Иван.

– Если всё разорят, мы тогда в город поем, сначала к родне в Ряжск, а потом в Рязань, здесь не имеет смысла оставаться, – продолжал прадед Дмитрий.

В этот момент за окном послышался лай собаки, топот лошадиных копыт и у их ворот остановилась телега, с которой соскочили четверо, один в пиджаке и кепке, с сумкой на ремне, другой выглядел как рабочий из цеха, а два других были бойцами красной армии, в шинелях, у каждого винтовка за плечами. Они открыли калитку в воротах и проследовали без приглашения во двор.

– Хозяева, есть, кто дома? – спросил громко тот, который в кожаной кепке с сумкой на ремне.

Прадед Дмитрий, Иван, прабабка Дуня и за ними мой дед, все встали из-за стола, и вышли во двор, а остальные кто остался, прильнули к окнам.

– По указу верховного совета народных комиссаров, имеется постановление об изъятии у вас продуктовых излишков, вот бумага, – отчеканил человек в пиджаке и кепке.

– Помилуйте, у нас уже и так всё забрали, ничего не оставили, а ведь мне семью кормить, тринадцать человек, – пролепетала прабабка Дуня, всплеснув руками.

Но комиссар, или кто там он был уже её и не слушал, ему

это было не интересно, он прошёл, вместе со своими сопровождающими, мимо неё, со словами:

– Где тут у вас амбар, открывайте.

– В амбаре ничего нет, что можно отдать, всё, что было мы уже передали советской власти на прошлой неделе, то, что осталось, это для моих детей, – продолжала говорить прабабушка, идя вместе с приехавшими.

– Давайте сюда ключи, – сказал комиссар, остановившись перед большими, местами прогнившими снизу, воротами амбара.

– Помилуй миленький, не могу я этого сделать, не дам, чем я детей кормить буду, пожалейте, взмолилась прабабушка, закрыв собой вход в амбар.

– А ну пошла отсюда, кулачиха недорезанная, – комиссар грубо её оттолкнул и взялся за ручку амбара, рукой подзывая солдат, сбить прикладом замок. А беременная прабабушка упала с криком, возле него.

Дедушка мой наблюдал всё эту картину с расстояния двух шагов, вскипев, он крикнул комиссару:

– Ты что же это делаешь, ах ты гад такой и сволочь, – после чего ударил его сильно в челюсть.

Комиссар упал, и какое-то время лежал не двигался, солдаты с винтовками наизготовку, застыли и стояли в ожидании, не зная точно, что им делать, рабочий тоже стоял и угрюмо смотрел на всё происходящее. Наконец комиссар заворочался и поднялся.

– Ах вот как, товарищ курсант, ах ты мразь кулацкая, как таких только в училище берут, – сказал он, потирая щёку.

– Ты что же это творишь, беременную женщину толкаешь, ей рожать скоро, – произнёс мой дед.

– Вас всех надо уничтожить и отпрысков ваших тоже, – вспыхнул комиссар, арестовать его, – добавил он, указывая пальцем на деда.

Дед выхватил из кобуры пистолет и готов был стрелять, если к нему приблизятся. И солдаты, которые сделали уже движение, застыли на месте и комиссар сразу нашёлся:

– Стойте, стойте, понятно всё с вами товарищ курсант, мы не будем так решать эти вопросы, мы по-другому поговорим, пошли все за мной, уходим, – он сделал знак своим сопровождающим. И они через некоторое время уже исчезли из виду.

– Да, ну и дела, теперь ничего хорошего не жди, – сказал прадед Дмитрий

– А ничего хорошего не было и до этого, житья нам всё равно не дадут, – ответил дядя Иван.

– Ты вот что сынок, возвращайся ка немедленно обратно в училище, а мы тут сами без тебя как-нибудь справимся, – сказал отец Дмитрий, помогая прабабушке Дуне встать с земли, у неё кружилась голова и тошнило.

В тот же вечер мой дед уехал из Пехлеца и вернулся в училище, которое находилось в городе Рязани. Мать дедушки родила брата Юрия в следующий вечер. А ещё через пару

дней в училище приехал отряд во главе с очередным комиссаром, и дедушку забрали прямо с занятий. Быстро прошёл суд, и его осудили на пять лет за этот инцидент с комиссаром в деревне, срок он поехал отбывать где-то в Карелии. Впрочем, отсидев год, он написал письмо, наркому вооружённых сил товарищу Ворошилову и случилось чудо, письмо дошло, было прочитано, и его выпустили, видимо по приказу наркома. Однако семьи в Пехлеце уже не было, родовой дом и огромный надел земли, отобрали и все родные разъехались в разных направлениях, отца дедушки, Дмитрия тоже посадили. Кто-то из родственников осел в Ряжске, кто-то в Рязани, кто-то в Лебедяни, кто подался в Краснодарский край, а кто и в Москву уехал, туда же уехал и дед, устроившись сварщиком в хозяйственный цех, при авиационном институте, недавно тогда открывшемся.

Начало польской войны

Это происходило в начале сентября 1939 года. Как обычно дед работал в опытном цеху московского авиационного института, ему было на этот момент 29 лет. Вечерком пришёл домой, и они сели вдвоём с женой кушать, у них на ужин была отварная картошка с тушёной и солёные огурчики, без пятидесяти грамм тоже не обошлось. В самый разгар трапезы в дверь постучали, так как звонка у них не было.

– Кто бы это мог, быть, может, соседка? – спросила жена Аня.

– Пойду, открою, – сказал дед.

За дверью оказался оперуполномоченный, в руках он держал лист бумаги.

– Ребезов Павел Дмитриевич? – и дождавшись утвердительного ответа, продолжил, – повестка вам на сборы, распишитесь вот здесь.

– Ого, прямо на завтра. Чего это вдруг за срочность такая? – Спросил дед, прочитав бумагу.

– Не могу знать, моё дело только вручить лично адресату, – ответил милиционер.

Дед расписался, и милиционер ушёл, после чего он возвратился за стол и, поймав вопросительный взгляд жены сказал.

– Вот на сборы внеочередные, срочные вызывают, на завтра.

– Ой, Павлуша, не по себе мне, странно всё это, везде о войне только и говорят, а тут такое приходит, – взволнованно ответила жена Анна.

– Да брось, войны никто не объявлял, это просто военные сборы, не волнуйся, давай продолжим ужинать, ответил дед.

Легли поздно и долго ворочались в постели, не спали и не разговаривали, каждый думал о своём. Утром дед оделся, взял сумку-сидр, которую ему жена с вечера приготовила и, попрощавшись, пошёл в МАИ (Московский Авиационный институт).

– Предупреди начальника цеха, пожалуйста, что меня на сборы забрали, – сказал он местному сторожу на проходной.

– Хорошо Павел, конечно, скажу, моего знакомого тоже на сборы вчера забрали, видно серьёзное что-то намечается.

– Наверное, – ответил дед и зашагал в сторону военкомата, который находился в деревянном ангаре, недалеко от Ходынки.

Там уже толпилась куча народу, и стояло несколько открытых грузовиков, в центре стоял военный и громким голосом зачитывал фамилии, после чего услышав ответ, делал себе пометку на листе бумаги и жестом указывал подниматься на борт грузовика.

– Да видимо серьёзные учения будут, – сказал дед одному из парней, как только подошёл.

– Это точно, толкуют, что в Гороховецкие лагеря поедем, – ответил тот.

– Понятно, – многозначительно промычал в ответ дед.

Через некоторое время все четыре грузовика, тронулись в путь и по Ленинградскому проспекту, а затем по садовому кольцу поехали в сторону Казанского вокзала, куда приехали минут через тридцать. Там стояли и ждали два эшелона, что называется под парами, наполняя небо чёрным дымом из своих труб. На площади перед поездами было огромное количество людей, несколько сотен, все с котомками, сидрами, многие нервно курили, друг с другом не общались. Поскольку дед не отличался любопытством и не был сильно разговорчив, он молча, вместе со всеми спрыгнул с машины и пошёл, ведомый потоком к стоящим поездам. Среди них находились люди в форме, которые координировали действия и направляли потоки.

– Распределись, вы налево, вы направо, – кричали одни.

– Ваш эшелон первый, ваш второй, быстрее, быстрее, – командовали другие.

Наконец через полчаса все загрузились, дед залез в обычный деревянный вагон с откатной дверью, где разместились ещё человек семьдесят. Расположились прямо на полу, кто сел прямо на доски, кто подложил свои котомки.

– Куда едем-то? – спрашивали некоторые нетерпеливые.

– А ты, куда-то торопишься что ли? – отвечали некоторые.

– В Гороховецкие лагеря едем, там большие ученья про-

водиться будут, – отвечали знающие.

Люди пробовали спрашивать офицеров, о причинах сборов, но от них ничего не добились.

Дед молчал, сидя на деревянном полу и закурил папиросу, участвовать в разговорах было не в его привычке.

Когда отъехали от города, разговоры поутихли, все ехали в тишине, лишь изредка кто-то хрумтел сухарями или курил самокрутку. Ехали почти весь день, к вечеру остановились на станции небольшого посёлка.

– Все выгружаемся и строимся в колонны, – слышалась команда.

После этого, шли пешком и спустя десять километров такого марша, пришли, наконец, к месту назначения. Через некоторое время их накормили из полевой кухни и затем разместили в землянках, где находились бревенчатые двухъярусные нары и вмещали такие землянки до 30 человек, а все удобства были снаружи. Утром им выдали форму и распределили кого куда.

– Ребезов Павел Дмитриевич, – громко зачитали дедушкину фамилию.

– Я, – ответил дед.

– На правую сторону, в офицерский состав, – скомандовал полковник, зачитывающий всё это.

Дед молча пошёл в указанном направлении, он был к этому готов. Он же закончил, артиллерийское училище, но получить звание и бумаги не удалось, так как в этот самый

момент его посадили в тюрьму, за удар в лицо сотрудника ОГПУ при исполнении. Там дед отсидел целый год, пока не додумался написать письмо наркому обороны Ворошилову и его выпустили раньше срока. Однако в вооружённые силы из-за этого инцидента не приняли, и поэтому дед работал обычным сварщиком в опытном цеху московского авиационного института, куда его устроил старший брат Фёдор, к тому времени служивший в авиации. После быстрого завтрака начались учения, пехота занялась своим делом, а артиллерия своим. Деда поставили командовать расчётом орудия. Палили из 45-ки целый день, с небольшим перерывом на обед, а к вечеру опять в землянку и так пять дней подряд. Рядом проходили танковые учения, народу на учениях было очень много. В перерывах разговаривали на разные темы, ведь люди были почти со всей страны.

– Это куда мы так готовимся, не иначе что бы немцев лучше лопатить, – сказал долговязый парень из сибирского городка.

– Да что нам немцы, шапками всех закидаем и готово дело, – ответил ему парнишка из Воронежа.

– Лучше бы этого не пробовать никогда парень, – ответил ему мужичок лет сорока пяти из Владимира.

– А ты что боишься что ли? – настаивал парень.

– Да не боюсь я, просто война, это поганое дело, – ответил тот.

– А ты что скажешь, товарищ лейтенант? – спросил воро-

нежский паренёк деда.

– А ты повоевать сильно хочешь? – ответил дед.

– А что тут такого, война то всё равно будет, не избежать, все про неё твердят.

– Я думаю, что немца побьём, сила у нас есть, но непросто всё это будет.

– Хватит вам про войну, которой нет, я вот сейчас вернусь с учений домой, а меня дома красавица жёнушка поджидает, детишек планируем, вот это другое дело, – подмигнул небольшого росточка, парень из Казани.

– А мы в деревне дом этим летом поставили из вот таких брёвен, – сказал паренёк из Вологды и показал руками диаметр около полуметра.

На следующий день, вместо того, что бы отпустить всех по домам, как многие полагали, отдали приказ садиться по эшелонам для продолжения учений в другом регионе. Народ сильно не роптал, но и довольными тоже не были, затянувшиеся учения были не в радость. На этот раз ехали долго, двое суток, делали пару тройку остановок, последнюю остановку в Минске.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.